

**Расходная книга Патриаршего
приказа кушаньям,
подававшимся патриарху
Адриану и разного чина лицам с
сентября 1698 по август 1699 г**

УДК 304
ББК 60.5
Р24

Р24 Расходная книга Патриаршего приказа кушаньям, подававшимся патриарху Адриану и разного чина лицам с сентября 1698 по август 1699 г / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 362 с.

ISBN 978-5-458-02267-5

ISBN 978-5-458-02267-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Напечатанные здѣсь матеріалы заключаютъ въ себѣ описаніе ежедневныхъ трапезъ послѣдняго Московскаго патріарха Адріана, съ 1-го Сентября 1698 по 1-е Сентября 1699 г. Подлинная рукопись, принадлежавшая прежде П. А. Муханову, находится въ Археографической Коммиссіи *) и издается на средства корреспондента этой Коммиссіи, П. А. Вахрамѣева. Нѣсколько отрывковъ изъ этой рукописи было напечатано въ „Сборникѣ Муханова“ (2-е изд. 1866 г.). Издавая эту рукопись, мы не придерживались строго ея „правописанія“, такъ какъ оно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черезъ-чуръ небрежно и не имѣетъ ни малѣйшаго филологическаго значенія въ своихъ „особенностяхъ“. Въ этомъ „памятникѣ“ *послѣдній Московскій патріархъ* представляется намъ предъ будущимъ *первымъ* Императоромъ Россіи, Петромъ Великимъ, въ самомъ скромномъ положеніи. Это ужъ далеко не всемогущій патріархъ Филаретъ, управлявшій Московскимъ государствомъ при своемъ сынѣ, царѣ Михаилѣ Осодоровичѣ. Это, тѣмъ болѣе, и не грозный патріархъ Никонъ. Нѣтъ о нихъ и помини! — Почтенный старецъ, занявшій въ послѣдній разъ патріаршеское мѣсто „на Москвѣ“, обнаруживаетъ свою власть при самой печальной для него обстановкѣ: онъ можетъ только располагать, такъ или иначе, своею трапезой; онъ имѣетъ право чрезъ своихъ ближайшихъ слугъ распорядиться монашескимъ угощеніемъ для тѣхъ или другихъ лицъ: кого наградить „огнивой въ ухѣ“, кому дать „полголовы осетрія“, — все такъ и будетъ. — Затѣмъ, какъ видно изъ нашихъ матеріаловъ, даже относительно рыбной пици „господинъ святѣйшій киръ Адріанъ, архіепископъ Московскій и вса Россія и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ“ долженъ былъ подчиняться,

*) № 83-й. Записная расходная книга Дворцоваго Патріаршаго Приказа кушальямъ, подаваемымъ патріарху Адріану и разнаго чина людямъ съ сентября 1698 по сентябрь 1699 гг. Скорописью XVII в., въ л., на 447 лл. Рукописи Археогр. Комм., стр. 47.

до нѣкоторой степени, условіямъ своего времени: кормить тѣхъ, а не иныхъ. Онъ обязанъ былъ „лакомить“ и казаковъ, и Петровскихъ солдатъ, силу которыхъ исполнѣ сознавали, вмѣстѣ съ патриархомъ, его ближайшіе служители и сотрудники: казначей монахъ Тихонъ Макарьевскій, дворцоваго приказа судія монахъ Іосифъ Булгаковъ и многіе подьячіе, близкіе къ столу Московскаго патриарха и обязанные вести „записи“ точно и подробно о качествахъ и количествахъ всѣхъ „яствъ“ (или „ѣствъ“), употребленныхъ при дворѣ Московскаго патриарха.

Сколько намъ извѣстно, подобныхъ „записей“ въ нашей исторической печати не существуетъ. Хотя знаменитый авторъ „Домостроя“, попъ Сильвестръ, и наставлялъ современный ему православный людъ „какъ ѣства постная и мясная варити“, съ надлежащими подробностями, но всѣ эти подробности не касались монастырской жизни. Попъ Сильвестръ не осмѣливался учить современныхъ ему иноковъ. Надъ ними возвысилъ свой голосъ ученикъ Сильвестра, Иванъ IV Грозный, обличавшій монаховъ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря въ великомъ чревоугодіи. Но Иванъ IV, этотъ великій для своего времени царственный сатирикъ, къ сожалѣнію, затронулъ только мимоходомъ, вскользь, важный для его времени вопросъ относительно монастырскаго „столоваго обихода“.

„Столовый обиходъ“ царей, бояръ и вообще свѣтскихъ людей XVII вѣка достаточно извѣстенъ каждому, кто занимался изученіемъ бытовыхъ сторонъ означеннаго столѣтія. Сошлемся, между прочимъ, на II томъ „Сказаній Русскаго Народа“, гдѣ напечатанъ весьма любопытный „Обиходъ всякому столовому наряду, яствамъ и питіямъ на весь годъ въ наученіе молодому князю со княгиней“. Почтенный исследователь древней московской жизни И. Е. Забѣлинъ напечаталъ, 40 лѣтъ тому назадъ: 1) „Книги во весь годъ въ столъ пствы подавать“, 2) „Росписи кушанью боярина Бориса Ивановича Морозова“, 3) „Столовыя Росписи“ на поминъ того же боярина и 4) „Кладовыя Росписи столовыхъ обиходовъ и разныхъ запасовъ“ того же боярина, по случаю Польскаго похода въ 1656 г. *). Всѣ подобнаго рода памятники весьма близки къ предмету нашей статьи, но въ нихъ не упоминается о „патріаршескомъ обиходѣ“.

Къ сожалѣнію, наши матеріалы чрезвычайно отрывочны и сухи—въ своемъ историческомъ значеніи; тѣмъ не менѣе, они даютъ поня-

*) Времени. Московск. Общ. Ист. и Древн., кн. 6, 1850 года.

тіе о томъ, когда, съ кѣмъ, гдѣ и что позволилъ кушать святѣйшій патріархъ; что и въ какой мѣрѣ назначалось, по его „указамъ“, всѣмъ лицамъ, входившимъ въ составъ обширнаго патріаршаго „столоваго“ хозяйства; что и кому именно жертвовалось патріархомъ „на сторону“, т. е. помимо его „двора“, и ради какихъ случаевъ.

Обыкновенно (по свидѣтельству нашей рукописи) владыка кушалъ въ своей кельѣ; рѣдко замѣчается, чтобъ онъ угощался въ „столовой со властью“. Въ числѣ такихъ дней, когда у патріарха пировали „власти“, былъ и новый годъ—1-е число сентября, по тогдашнему календарю. Въ издаваемомъ памятникѣ имѣется описаніе такого столованія въ 1698 году.—Столъ, по тогдашнему обычаю, начался съ „папошниковъ“; затѣмъ у гостепріимнаго патріарха появилась игра бѣлой рыбыцы и „прикрошка тѣльная“: такъ называлось лакомое рыбное блюдо, приготовленное въ родѣ котлетъ *); далѣе слѣдовали: стерляжій присоль, щуки, окуни, лини, рыбы потроха, огнива въ ухѣ, кавардакъ (нѣчто въ родѣ окрошки изъ разныхъ рыбъ), уха щучья, каша изъ семги, просольная бѣлужина, полголовы осетра, сбитень, яшница, зернистая игра, вязига подъ хрѣномъ, осетриная прикрошка, паровые судаки, леци, язи, стерляди, пироги подовые (т. е. приготовленные изъ кваснаго тѣста) и т. д.; вообще — болѣе 35 блюдъ. Замѣтимъ, что въ нашихъ документахъ очень часто встрѣчается выраженіе „*межъ ухъ*“. Это означаетъ вообще пироги, которые, за исключеніемъ сладкихъ, подавались къ горячему.

Къ столу его святѣйшества никогда не допускался людъ второстепенный, а тѣмъ болѣе — мелкій: онъ питался въ высокостепенные дни особо, съ большимъ разборомъ относительно количества и качества кушанья. Напримѣръ, за однимъ столомъ сидѣли: казначей-монахъ Тихонъ Макарьевскій, дворцоваго патріаршаго Приказа судья (изъ монаховъ) Іосифъ Булгаковъ, архидіаконъ, ризничій, двое келейниковъ и „чашникъ“; къ столу ихъ поданы были: игра, вязига, щи съ тешю, каша семожная, ухи карасевыя, звена щуच्या просольные, звена бѣлужьи, пироги съ кашей да съ яйцами и папошники.—Ниже за столомъ сидѣли священники и діаконы, какой-то „житный гупчина“, ясельничій, 6 „хлѣбныхъ братій“ и „учитель-иконописецъ“. Всѣ названныя лица воспользовались, ради новаго года, тѣмъ

*) При объясненіи кушаній я руководствовался преимущественно трудомъ Н. П. Костомарова «Очеркъ домашней жизни и правилъ великорусскаго народа».

же самымъ угощеніемъ, какое подано было особамъ, спѣвшимъ *выше* ихъ, но съ тою разницею, что обѣдили ихъ папошникомъ и „щучьимъ присоломъ“. — За третьимъ столомъ засѣдали поддіаконы и пѣвчіе дьяки; за четвертымъ — дворяне (патріаршіе, а не царскіе) и всякихъ чиновъ дворовые люди: ихъ кормили похуже. Затѣмъ гостями патріарха были: нищіе (12 человѣкъ) *), пономари, сторожа, звонари, „архіерейскіе дворяне“, разныхъ монастырей архимандритскіе и игуменскіе служки, наконецъ — солдаты. Далѣе мы увидимъ, по какому случаю и за что награждались эти послѣдніе. — Въ числѣ угощеній упоминается, между прочимъ, „игра армянская“, отпущенная въ домовый Феодоровскій монастырь братьѣ и бѣльцамъ. Нынѣ, сколько намъ извѣстно, такое названіе уже исчезло изъ русскаго гастрономическаго словаря, но 200 лѣтъ назадъ оно было въ большомъ употребленіи и означало игру, пмѣвшую (по словамъ Костомарова) „раздражающее свойство“ **).

„Царскіе“ праздники сопровождались также изряднымъ угощеніемъ. Такъ, напримѣръ, 18-го сентября 1698 г. (тогда это число пришлось въ воскресенье), „для празднества ангела благовѣрной царевны и великой княжны Софіи Алексѣвны и для поставленія Іосифа, митрополита Псковскаго“, святѣйшему патріарху въ его келью подано было 40 кушаньевъ (см. стр. 12 и 13), между прочимъ, „щуки-гвоски ростовскія“ ***); 16-го октября праздновали ангелу благовѣрныхъ царицы и ве-

*) Это число нищихъ было постоянно, ни болѣе, ни менѣе.

***) Для избѣжанія повтореній, замѣтимъ здѣсь кстати, что игра была однимъ изъ обычныхъ кушаньевъ; она, можно сказать, не сходила съ монашескаго стола; свѣжал зернистай изъ осетра и бѣлорыбны составляла роскошь, но во всеобщемъ употребленіи была игра паюсная, мѣшечная, выше помянутая «армянская» и, наконецъ, мятая — самаго низшаго достоинства. О ней въ нашихъ документахъ не упоминается: ее покупали только бѣдные простолюдины, а для трапезы бѣлаго и чернаго духовенства она не употреблялась.

****) Маленькія щучки, которыя и посейчасъ пѣкоторыми приозерными крестьянами называются «гвоздями». Въ напечатанныхъ нами «Ростовскихъ Дозорныхъ и Переписныхъ Книгахъ» значится, что близъ озера была въ Ростовѣ «Рыболовская Слободка», «а оброки всякіе съ той слободки посацкіе люди платили на Москвѣ на дворецъ просольные рыбы щуки по пяти тчаповъ и по полутора ведра въ годъ, а коли рыбъ лову нѣтъ, они платили деньгами за тчапъ по полутора рубля. Да съ тое жъ слободки ловили полѣдную рыбу на государевъ обиходъ пять ночей, а шестую ночь на ростовскаго митрополита» (А. Титовъ. Дозоры и Переписи Книги древляго города Ростова. М. 1880 г., стр. 5). По объясненію же приозернаго крестьянина старожилы А. Я. Артынова, изслѣдователя мѣстной старины, подъ именемъ «ростовскихъ гвосковъ» была извѣстна и просольная ростовская щука, доставляемая въ Москву въ бочкахъ, забитыхъ гвоздями.

Въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ, еще уцѣляли пѣкоторыя упоминаемыя въ печатаемомъ нами документѣ названія: *Блассъ* — платва, уклейка. *Калыя* — похлебка. *Плескъ* — рыбій хвостъ. *Вандыши* — корюшка. *Жерехи* (шерешперъ) — сушеная мелкая привозная рыба, нализанная на ниткѣ. *Кавардакъ* — болтушка и окрошка. *Омишо* — жирное мѣсто около плавильныхъ перьевъ.

ликія княгини Параскевіи Ѳеодоровны (супруги царя Ивана Алексѣевича): подано 34 блюда (стр. 33 и 34). Для ангела ся дочери (будущей императрицы) Анны Іоанновны 5-го февраля 1698 года употреблено 35 блюдъ (стр. 124); 17-го марта, когда праздновался ангель благовѣрнаго царевича и великаго князя Алексѣя Петровича, было подано только 22 блюда. Такое ограниченіе числа блюдъ, объясняется тѣмъ, что означенный день пришелся на пятницу четвертой недѣли великаго поста, когда не позволялось патриархомъ готовить для него ничего рыбнаго. Почти весь столъ ограничивался грибными кушаньями. Любопытно перечисленіе ихъ: за папошникомъ слѣдовали три пирога „долгіе“ съ грибами; затѣмъ: пирогъ круглый съ маленькими грибами, два пирожка съ груздями, блюдо пироговъ „на троицкое дѣло“ *), грибы холодные подъ хрѣномъ, грузди холодные съ масломъ, грузди грѣтые съ сокомъ да съ масломъ, грибы грѣтые маленькіе съ лукомъ, рыжики грѣтые съ масломъ, капуста шатковая съ грибами, галушки грибныя, два „паряда“ грибовъ въ тѣстѣ. Кромѣ того, не мало прибавлялось киселей и гороху. Горохъ приготовляли очень разнообразно: тертый, битый, цѣженный, сыръ гороховый, т. е. твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ; ѣли наши предки—люди свѣтскіе и духовные—лапшу изъ гороховой муки.

Любопытенъ столовый обиходъ во время Сырной недѣли. Такъ въ понедѣльникъ 13-го февраля 1699 года, въ патриаршую келью подано было 27 блюдъ, во вторникъ—39, въ среду—38, въ четвергъ—36, въ пятницу—32, въ субботу—30, въ сырное воскресенье—только 26; изъ этого видно, что его святѣйшество постепенно убавлялъ число блюдъ, готовясь къ посту. Въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ Великаго поста самъ патриархъ рѣшительно ничего не кушалъ (стр. 139 и слѣд.); во вторникъ, 21-го февраля, онъ съѣлъ только ситный хлѣбецъ съ колачикомъ, да попробовалъ рѣдьки и капусты съ хрѣномъ, а казначею и братіѣ приказалъ выдать лишь по краюшкѣ хлѣба. Среда была нѣсколько питательнѣе: въ кельѣ у патриарха, кромѣ папошника, явились горохъ „зобанный“, да два киселя—холодный съ сокомъ и горячій съ патокой, потомъ рѣдька, грибы холодные подъ хрѣномъ и грибы грѣтые съ лукомъ; трапеза кончилась тѣмъ, что съѣденъ былъ „зварецъ грѣтый“ со пшеномъ да съ изюмомъ и винными ягодами.

*) По объясненію В. Е. Руминцова пирогъ «на троицкое дѣло» приготовлялся изъ просфорнаго тѣста. Это былъ простой благословенный хлѣбъ лишь съ начинкою (записано въ 1882 году).

Четвергъ опять былъ голоднымъ днемъ: патріархъ вкусилъ лишь „хлѣбецъ саясной да колачикъ“, казначей же и вся братія съѣли только „участки“ бѣлаго хлѣба, а на дворъ всякихъ чиновъ дворовымъ людямъ выданы участки *братскаго хлѣба* *). Въ пятницу было немного посылнѣе: кисели, кашки, рѣдка; но въ субботу патріархъ вкусилъ уже не менѣе 17 блюдъ, сообразно съ чѣмъ были угощены гораздо лучше и всѣ приближенные къ его святѣйшеству особы мірскаго и духовнаго чина.—Замѣтимъ кстати нѣсколько оригинальныхъ по названіямъ блюдъ, подававшихся въ теченіе Великаго поста: „дрочена миндальнаго соку“ (стр. 152), „лососи свѣжія подъ лимоны“ (стр. 135), „пирогы копытцами съ сокомъ“ (стр. 153 и др.); дополнимъ еще, что для праздника Благовѣщенія пресвятыя Богородицы угощеніе было необыкновенно изобильное (стр. 155 и слѣд.); за то Страстная недѣля, начавшаяся въ 1699 году 3-го апрѣля, проведена была, какъ и требовалось по монашескому уставу, очень умѣренно; въ четвергъ патріархъ позволилъ доставить къ нему 17 блюдъ, но на другой день, т. е. въ пятницу, онъ ничего не кушалъ; казначею съ братіей и всякихъ чиновъ дворовымъ людямъ тоже пищи не было; въ страстную субботу патріархъ, вмѣстѣ съ казначеемъ и братіей, ограничилъ себя относительно пищи лишь папошниками. Сей день былъ занятъ раздачею яицъ, которыя выдавались сообразно монастырской іерархіи. Такъ, напримѣръ, на долю казначея досталась сотня яицъ, архидіаконъ же, ризничій, два келейника и чапникъ получили вдвое меньше, по 50 яицъ; священники и діаконы— по 30, „хлѣбные“ старцы—по 10, а „служебные старцы“ по 20 яицъ; „обиходчикамъ“ же всякихъ чиновъ людямъ пожаловано не болѣе пятка

*) «Братскими хлѣбами», по объясненію Костомарова, назывались круглыя булки изъ толченой муки. Кстати, чтобы не возвращаться къ подробностямъ о хлѣбахъ, замѣтимъ, что Русскіе въ XVII столѣтіи вѣли преимущественно ржаной хлѣбъ; онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богачей; наши предки даже предпочитали его пшеничному и приписывали ему (да и теперь тоже) больше питательности. Названіе «хлѣбъ» значило собственно ржапой. Въ печатаемыхъ нами документахъ упоминается объ ячневомъ хлѣбѣ, но упоминается только на рѣдкѣ. Почему это? Цитируемый нами покойный историкъ объясняетъ это тѣмъ, что ячменя было мало, и къ ржаной мукѣ только примѣшивалась ячнал. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а въ домашнемъ быту—на калачи, которые вообще для простаго народа были лакомствомъ въ праздничные дни. (Отъ этого и пословица: «калачемъ не замаяншь!») Кроме упомянутыхъ «братскихъ хлѣбовъ» и калачей, готовились еще «смѣсные»: ихъ пекли изъ пшеничной муки пополамъ съ ржаной, что дѣлалось не только отъ недостатка, но и потому, что въ такой смѣси находили особый вкусъ; даже къ царскому столу и къ патріаршей трапезѣ, по свидѣтельству нашей «лѣтописи», они подавались довольно часто.

яиць (стр. 161—163). Великое пиршество происходило въ Свѣтлое Воскресенье *). Тогда опять, вмѣсто гороха и грибовъ, явились стерляди паровыя, осетры, севрюги, свѣжія лососи, караси и т. п., извлеченные изъ рѣкъ, озеръ, прудовъ и трехъ морей тогдашняго Московскаго царства: Бѣлаго, Каспійскаго и, отчасти, Азовскаго.

Хотя въ нашемъ историческомъ матеріалѣ и встрѣчается указаніе на „умаленіе рыбы“ **), но думаемъ, что тогдашняя бѣдность рыбнаго улова нисколько не хуже современнаго богатства. Иначе чѣмъ же объяснить то великолѣпіе рыбнаго стола, которое высказываетъ, не мудрствуя лукаво, монахъ-лѣтописецъ?—Рыба шла къ патріарху отовсюду. Даже наше бѣдное ростовское озеро Неро доставляло „гвоздковъ ростовскихъ“, не говоря уже о лососинѣ, привозимой въ Москву съ сѣвера изъ Корелы, или объ осетринѣ (шехонской и волжской), о волжской бѣлорыбицѣ, стерлядяхъ, севрюгахъ, бѣлугахъ и проч. Но, съ другой стороны, можно отчасти и согласиться съ жалобами нашего документа на „оскудѣніе“ рыбою. Кому только его святѣйшество не давалъ „подачки“ со своего стола, отчасти по архипастырскому долгу, отчасти по обязанностямъ добраго хозяина, который не можетъ равнодушно взирать на голодающихъ своихъ слугъ? На немъ же лежала обязанность, такъ сказать, угощать *политически* князей, бояръ и другихъ именитыхъ лицъ, даже иностранцевъ, вкусною трапезой. Этотъ отдѣлъ нашихъ документовъ наиболѣе интересенъ. Здѣсь встрѣчаются какъ извѣстныя историческія имена, такъ и другіе, менѣе извѣстные дѣятели Петровской эпохи.

Угощеніе именитыхъ людей входило въ кругъ обычаевъ монашескаго начальства, обусловленныхъ уставами тогдашняго этикета. Стольники, бояре, князья отправляли на патріаршій дворъ нѣчто отъ избытка своего, напримѣръ: заморское виноградное вино, рѣдкіе фрукты, бархатъ и атласъ; естественно, что и святѣйшій патріархъ не желалъ остаться въ долгу предъ жертвователями и отплачивалъ имъ, по пословицѣ: „чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ“,—а богатъ онъ былъ особенно рыбнымъ столомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: стольникъ князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій получилъ, 9-го ноября 1698 г., *по указу* святѣйшаго патріарха и *по приказу* дворецкаго Матвѣя Григорьевича Баскакова, 15

*) Указываемъ читателямъ и астр. 163 и слѣд. нашего изданія. Авт.

**), Такъ, напримѣръ, приказнаго разряда «старымъ» подьячимъ выдано было по осетру, а «средней статьи» и «молодымъ» подьячимъ, за *умаленіемъ* рыбы, отпускать не велѣно. (См. стр. 309).

„тешекъ межукосныхъ и звено косяка мякотнова“ (стр. 51 и 65). 13-го ноября того же года отпущены стольнику Ѳедору Плещеву: бѣлуга „мѣрная виноградная“, косякъ хрящевый виноградный да пудъ пѣры армянской (о которой мы уже замѣтили). Указъ сказалъ „копюшенный монахъ“ Юсифъ (стр. 55). Въ числѣ лицъ, воспользовавшихся угощеніемъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько историческихъ именъ: напримѣръ, говорится о дядѣ царя Петра Алексѣевича—Львѣ Кирилловичѣ Нарышкинѣ, которому, вмѣстѣ съ бояриномъ Тихономъ Никитичемъ Стрѣшневимъ, и думнымъ дьякомъ Автономомъ Ивановымъ, выдано было поровну: нѣсколько бѣлугъ, осетровъ, по одному пуду паюсной пѣры и по связкѣ „отборной визиги“ Для изслѣдователя русской старины является вопросъ: почему думный дьякъ могъ быть поставленъ, относительно угощенія, на одинаковую степень со Стрѣшневымъ — бояриномъ, а тѣмъ паче — съ царскимъ дядей? Отвѣтомъ можетъ служить то, что думный дьякъ Автономъ Ивановичъ игралъ тогда важную роль; но не слѣдуетъ опускать безъ вниманія, что патріархъ, сравнивая подарки, отлично соблюдалъ свой „этикетъ“: первымъ изъ названныхъ лицъ, Нарышкину и Стрѣшневу, по указу патріарха, отвезли рыбныя яства его стряпчие Андрей Базыкинъ и Андрей Григорьевъ, а думному дьяку тѣ же самыя яства пожалованы не изъ стряпческихъ рукъ (стр. 60). Такимъ же почетомъ, чрезъ стряпчаго, удостоены были бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ (стр. 64), стольникъ Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Троекуровъ (стр. 65) и другія, болѣе или менѣе, именитыя особы Петровскаго царствованія; въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ и женщинъ, свѣтскаго и духовнаго сословія. Такъ, напримѣръ, угощаема была патріархомъ боярыня княгиня Куракина, получившая для своего стола „10 сиговъ да звено тешевое виноградное“; Милитійская царица воспользовалась тѣмъ же подаркомъ, и то же количество сиговъ получила игуменья Вознесенскаго монастыря. Какая-то „боярыня Анна Михайловна“ была обдѣлена, сравнительно съ названными лицами, и получила только 5 сиговъ, наравнѣ съ какимъ-то подьячимъ Дмитріемъ Осиповымъ (стр. 61). Игуменью Владимірскаго монастыря патріархъ почтилъ осетромъ, который былъ пожалованъ по его „именному указу“ (стр. 52). Такого рода дачи производились очень часто и по разнымъ случаямъ. Патріархъ „жаловалъ“ милостиво высшее духовенство, стоявшее ниже его только однимъ чиномъ, т. е. митрополитовъ; изъ нихъ, напримѣръ, Псковскій владыка получилъ пудъ пѣры армянской, косякъ мякотный, косякъ хрящевый, бѣ-

лужью тешу да бѣлугу мѣрную виноградную (стр. 119), а Бѣлогородскій владыка воспользовался бѣлугой и двумя осетрами (стр. 120); когдаже патріархъ чинилъ „поставленія“, трапеза его была чрезвычайно изобильна. 26-го марта 1699 г. онъ „поставилъ“ митрополита Смоленскаго Сильвестра, и хотя день былъ постный, но трапеза отличалась сытностью и разнообразіемъ кушаньевъ (стр. 156 и 157). Великолѣпное угощеніе произошло также 23-го іюля того же года, когда патріархъ „поставилъ“ Исаію — митрополита Нижегородскаго и Арзамасскаго. Угощены были все отъ нищихъ до самого новопоставленнаго митрополита включительно; этотъ же послѣдній получилъ, особо отъ патріарха, „на подачи“: хлѣбецъ муки крупчатой, пшучу-колодку изъ живыхъ, пирогъ „приказный“ круглый съ „тѣлеса да съ ялицы“ и проч.; въ числѣ лакомыхъ была „уха щучья *венгерская*“ (стр. 263 и 264). Любили патріаршее угощеніе и люди иностранные, близкіе царю Петру, занятому тогда походомъ подъ Азовъ и устройствомъ кораблей на Дону. Участіе патріарха въ этомъ „морскомъ дѣлѣ“, которое едва ли радовало душу добраго архипастыря, выказывается, по нашимъ историческимъ матеріаламъ, въ слѣдующихъ чертахъ: 15-го марта 1699 года явился къ патріарху его дворецкій Матвѣй Григорьевичъ Баскаковъ и спросилъ: неужели ли будетъ его святѣйшеству приказъ дать что-либо отпустить „иноземцу“, вице-адмиралу?— Патріархъ велѣлъ отпустить ему тешу виноградную, бѣлугу свѣжую да пудъ икры паюсной (стр. 149). Довольно много тратилось также на угощеніе донскихъ казаковъ. Такъ, на примѣръ, 17-го декабря 1699 года, явились на патріаршій дворъ 140 казаковъ, предводительствуемые „атаманомъ“ Ильей Григорьевымъ и двумя эсаулами „съ товарищи“. Патріархъ велѣлъ выдать имъ по осетру на десятокъ; итого роздано было 14 осетровъ, не считая хлѣба и угощенія атаману съ эсаулами (стр. 312).—Вообще, заведеніе воронежской верфи, по указу Петра Перваго, стоило послѣднему Московскому патріарху изрядныхъ издержекъ; о денежныхъ расходахъ въ нашихъ документахъ, конечно, не упоминается; но за то, начиная съ конца 1698 года, безпрестанно, почти каждодневно, патріаршій лѣтописецъ заноситъ тотъ или другой расходъ на кормежъ православной рати, собиравшейся въ походъ подъ Азовъ, чрезъ Воронежъ. Шли туда изъ Москвы дворяне и солдаты: каждому нужно было накормить въ пути-дорогѣ рыбою. Если мы прослѣдимъ хоть одинъ мѣсяцъ (декабрь 1699 г.), то увидимъ, что означенный „походъ“ истощалъ весьма патріаршескую „рыбную“ казну.

Вот доказательства: 5-го декабря патриархъ долженъ былъ, на время, разстаться со своимъ довѣреннымъ любимцемъ, упомянутымъ Баскаковымъ. Съ нимъ онъ отправилъ, по росписи, массу всякой рыбыны: 7 бѣлугъ, 5 осетровъ и проч.; сверхъ того, повезли въ Воронежъ не мало „хлѣбовъ братскихъ“, соли, луку, коноплянаго масла; не были забыты и лакомства съ приправами: медъ, шафранъ, изюмъ. Въ тотъ же день, по царскому указу, поѣхали на службу въ Воронежъ патриаршіе дворяне Данило Прокофьевичъ Рагозинъ да Гаврило Прокофьевичъ Лопухинъ; имъ также не отказалъ патриархъ въ дачѣ со своего стола, велѣвши выдать каждому изъ нихъ по бѣлугѣ, осетру и „отборной“, семгѣ, не считая другого напутственного угощенія (стр. 310). Вскорѣ, именно 9-го декабря, опять отправились въ Воронежъ дворяне; сколько ихъ было, не извѣстно; видно лишь, что съ ними отпустили 10 бѣлугъ мѣрныхъ, 20 осетровъ, 2 пуда икры и проч. Менѣе, чѣмъ черезъ недѣлю, опять отпущено дворянамъ: 5 бѣлугъ и 10 осетровъ, да конюхамъ, „которымъ быть на Воронежъ“, 20 осетровъ, 10 пудовъ соли, 36 хлѣбовъ, 2 пуда икры „арменской“; сверхъ того, вмѣсто 20 чалбушевъ (?) бѣлужьихъ, тѣ же конюхи получили еще 15 осетровъ (стр. 311).

Въ числѣ получавшихъ дачу занимали немаловажное мѣсто *нищіе*; ихъ кормили каждый день, но въ ограниченномъ числѣ, по 12 человекъ; но все-таки въ годъ число порцій составляло болѣе 4,000. Затѣмъ, кромѣ великопостныхъ, особо строго соблюдаемыхъ дней, отпускалась изобильная пища „на дворъ“, т. е. „архіерейскимъ дворянамъ“, пѣвчимъ, какъ патриаршимъ, такъ и другихъ владыкъ, архимандритовъ и игуменовъ, бывшихъ на поклоненіи у патриарха по дѣламъ личнымъ или касавшимся ихъ обителѣй. Конечно, кормили не безъ разбора. Напримѣръ, „дохтуръ“ патриаршіи Иванъ Еремѣевъ получилъ, по именному указу его святѣйшества 5-го декабря 1698 г., тешу виноградную, щуку, большого леща, 2 свѣжихъ стерляди да 5 ладогъ бочечныхъ; а 7-го января ему же были отпущены: бѣлуга свѣжая, стерлядь-голова, щука-голова, лещь-голова, семга свѣжая подносная, 10 сельдей бочечныхъ и 30 сельдей свѣжихъ (стр. 73 и 98). Это были знаменитыя и до сихъ поръ сельди изъ Переяславскаго озера. Тамъ, при рыбной ловлѣ, находился особый староста; ему и ловцамъ шель кормъ отъ патриаршаго стола: отпускалось по 2 братскихъ хлѣба, выдавалась имъ бѣлуга и семга (стр. 78).

Любопытенъ составъ патриаршей прислуги и вообще тѣхъ лицъ, которыя, такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, находились